

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-64-4-342-348

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ГИПЕРБОЛЕ?

Т. Н. Федуленкова

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Владимир, Россия

Рецензия на монографию: *Ермакова О. П. Гипербола и смежные с ней явления*. М.: ФЛИНТА, 2021. 72 с.

Традиционно гипербола рассматривается как фигура речи, возникающая на основе сравнения двух предметов или явлений и намеренного преувеличения их сходства. Казалось бы, мы знаем о гиперболе все, что только возможно себе представить. Оказывается, это далеко не так. Автор данной монографии постепенно разубеждает нас в этом.

С одной стороны, О. П. Ермакова ставит вопрос о степени самостоятельности гиперболы как лексической единицы, поскольку гипербола, как правило, иллюстрируется в лексикографических изданиях или в составе метафоры (*океан мечтаний*), или в составе гиперболического сравнения (*величиной с каланчу*). С другой стороны, автор показывает, что гипербола зависит от объекта характеристики и тем самым от ситуации.

Подчеркивается особенность гиперболы, вытекающая из самой ее сущности: гиперболизируемый объект не может быть ничтожно малым (по размеру, силе, уму, красоте и другим особенностям).

Анализируя контексты из беллетристики, автор убедительно доказывает, что в отличие от метафоры и других тропов гипербола не является самодостаточной.

Для метафоры не важно, называют ли *ослом* действительно глупого человека или это так представляется говорящему, значение слова «осел» — ‘глупец’ и остается метафорой. Метонимия также постоянна в своих значениях: *остановка* в метонимическом значении всегда ‘место, где положено остановиться общественному транспорту’ (остановку перенесли), в то время как гипербола может и не быть таковой, если объект не допускает преувеличения.

Гипербола же, напротив, в образе гиперболического сравнения не может избежать зависимости от объекта сравнения. Например, *клюква с грецкой*

орех — это очень крупная, а *арбуз* — поразительно мелкая ягода, и гипербола в первом случае уже не гипербола во втором случае, а литота. Так в работе убедительно доказывается, что одно и то же интенсифицированное сравнение в отношении разных объектов может быть и гиперболой, и литотой: *град с куриное яйцо* (преувеличение) и *тыква с куриное яйцо* (преуменьшение).

Несамостоятельность гиперболы подтверждается отсутствием ее толкований в словарных дефинициях, где она представлена или в составе метафоры (*вагон печалей*), или в составе сравнений (*хранит как боров*).

Из своих наблюдений автор делает вывод, что гипербола не только легко сочетается с метафорой и сравнением, но и не может существовать без них в виде отдельной лексической единицы.

Известно, что гипербола имеет дело преимущественно с размером, количеством, т.е. входит в сферу относительности признаков, характеристик. Она сопоставима с релятивами (*начальник — подчиненный*) и с параметрическими прилагательными *высокий, широкий* и т. п. (*высокий — человек, забор, дом* и т. д.). Отмечается еще одна особенность гиперболы, которая очень важна для отграничения некоторых близких к ней явлений — это опора на норму. О том, что гипербола представляет собой отклонение от нормы (языковой или логической) писали многие исследователи (Wales 2011: 202–203). Гипербола как раз и создается нарушением этой нормы (*выкушать бочку меда*).

Часто гипербола причисляется к тропам, прежде всего потому, что в художественной литературе она является одним из средств создания образа (Топоров 1990: 520). Более определенно об этом высказывался А. А. Потебня: «Гипербола (...преувеличение) — фигура по отношению к метафоре. Она не может быть соподчинена с тропами» (Потебня 1990: 253).

Взаимоотношениям гиперболы и метафоры, гиперболы и метонимии О. П. Ермакова посвящает специальные главы. В данном случае исследователя интересует вопрос: что общего у гиперболы с основными тропами — метафорой и метонимией, — и что их различает, и, соответственно, — является ли на самом деле гипербола тропом.

С классическими тропами объединяет гиперболу то, что все они представляют собой некую языковую аномалию. И *бриллиант с гусиное яйцо*, и *соседка — змея*, и *рыжие панталоны вздохнули* или *скрипка переселилась в общежитие* — являют примеры отклонения от стандартного употребления языковых единиц.

Неизбежность отклонения от нормы при создании художественного образа подчеркивала Н. Д. Арутюнова: «Даже если автор сосредоточен на прозе жизни, то он прибегает к такому методу ее художественной обработки, который выводит её за пределы нормы, а иногда и реальности. Этим

целям служит гротеск, глобальная гипербола (раблезианство), сатира, комедийность, фарс, шарж, остранение, обманутое ожидание. Методика обращения обыденного в необычное, нормы в аномалию хорошо разработана и легко усваивается» (Арутюнова 1999: 88).

Но, полемизируя с Н. Д. Арутюновой, О. П. Ермакова находит у гиперболы и тропов существенные различия. Все тропы, как давно отмечено, характеризуются переносными значениями. Гипербола имеет переносное значение только в составе метафоры, ср.: *Она жадная, она просто акула*. Здесь прежде всего характеристика, но характеристика гиперболическая, т. е. это — гиперболическая метафора. Но гипербола-сравнение не имеет переносного значения, поскольку его не имеет сравнение, «принявшее» гиперболу.

Ср.: (1) *Он огромный, как каланча*. (2) *Он ростом с каланчу*. (3) *Он огромный, прямо каланча*.

Лишь в последнем случае (в метафоре) заключается переносное значение. Это гиперболическая метафора. В двух первых примерах, безусловно, гипербола — это сильное преувеличение, но оно остается на уровне сравнения. Это гиперболическое сравнение. Не случайно исследователи изобразительных средств, отмечая в качестве важного свойства тропов переносное значение, за редким исключением, не причисляют сравнение к тропам.

Исследователями давно отмечено, что между гиперболой и литотой существует органическая связь. В силу их обратимости литоту называют обратной гиперболой. Литота понимается автором как троп, как стилистическая фигура, состоящая в подчеркнутом преуменьшении, уничижении, недоговоренности (*мужичок с ноготок*).

Указывая на аналогию литоты с гиперболой, автор видит ее выражение в том, что литота, как и гипербола, неразрывно связана с метафорой или сравнением: *мальчик с пальчик, мужичок с ноготок, страус с цыпленка* и т. п.

Привлекая внимание читателя к различиям между этими двумя стилистическими средствами выразительности, автор подчеркивает способность гиперболической метафоры опираться на известные эталоны силы, мудрости, красоты и т. д. Что же касается метафоры-литоты, то она не располагает эталоном слабости, недалекости, некрасивости: таковые не имеются в языке.

Итак, в качестве существенных признаков гиперболы в монографии выделяются следующие признаки:

- а) *несамостоятельность*;
- б) *внушительный размер* определяемого гиперболой явления или объекта;

в) *несамодостаточность* гиперболы в том, что её значение определяется ситуацией, в отсутствии закреплённого словарями значения в отличие от метафоры и метонимии;

г) *опора на норму*, сопровождаемая нарушением последней;

д) *отсутствие семантического переноса* (исключая гиперболическую метафору).

Отмечается, что литота преимущественно имеет дело с размером, и в сфере размера чаще всего возможна обратимость гиперболы и литоты.

Кроме того, автор монографии делится с читателем интересными наблюдениями о взаимоотношении гиперболы с квантификаторами, к которым причисляются интенсификаторы («усилители», «увеличители»), «усреднители» и «уменьшители» степени признака.

Полемизуя со сторонниками включения в объём гиперболы интенсификаторов или так называемых *усилителей* степени признака (Вежбицкая 1990: 142), О. П. Ермакова отстаивает свою точку зрения, согласно которой интенсификаторы не относятся к гиперболе, а представляют собой особый класс слов, служащих для выражения высокой степени признаков, состояний и т. п. Интенсификаторы («усилители», «увеличители») вносятся в широкий круг определителей степени. Наряду с «увеличителями» в русском языке существуют «усреднители» и «уменьшители» степени признака.

Среди характерных признаков интенсификаторов О. П. Ермакова называет следующие:

а) интенсификаторы не образуют, как правило, кратких форм, которые часто лексикализуются, образуют особый класс — предикативов;

б) интенсификаторы не образуют форм компаратива;

в) интенсификаторы (в отличие от гиперболы) обладают безотносительным лексическим значением, имеющим истолкование в словарях;

г) интенсификаторы зависят от качественных прилагательных и качественных наречий, глаголов и предикативов;

д) интенсификаторы (становясь таковыми) утрачивают внутреннюю форму, которая важна для гиперболы;

е) интенсификаторы совмещают идею количества с другими семами (*щемяще печальный, отрезвляюще свежий, усыпляюще нежный* и т. д.);

ж) интенсификаторы могут употребляться с отрицанием — с частицей *не*: *не очень, не весьма, не совсем, не вполне, не особенно, не слишком, не чересчур*, преобразуясь при этом либо в ограничители высокой степени, либо в эвфемизмы, часто с иронической или шуточной окраской;

з) интенсификаторы могут сочетаться со словами, называющими средние или небольшие размеры предмета: *весьма средний, удивительно маленький, поразительно (невероятно) крошечный* и т. п.;

и) интенсификаторам не свойственна сочетаемость с формами компаратива (ср.: *Она очень красива, но не: она очень красивее сестры*);

к) интенсификаторы (сами по себе) не способны приобретать иронические смыслы, преобразовываться в противоположные значения.

Наряду с интенсификаторами в языке отмечается существование так называемых «усреднителей» (*довольно интересный, умеренно полный, средне болтливый* и т. п.) и «уменьшителей» степени признака (*чутьточку старомодный, немножко занудливый, капельку развязный* и т. п.), которые в совокупности с «усилителями» составляют систему градуирования степени признаков. Автор подчеркивает, что, если интенсификаторы и антиинтенсификаторы («уменьшители») могут быть соотнесены с гиперболой и литотой, то «усреднители» не могут соотноситься ни с гиперболой, ни с литотой уже по определению этих явлений.

Автор отмечает, что — при довольно большом количестве и разнообразии интенсификаторов («усилителей») — «усреднителей» и «уменьшителей» совсем немного, и приходит к выводу о том, что человек более склонен преувеличивать, чем преуменьшать.

«Усреднителей» немного, меньше, чем «уменьшителей», но эту группу автор не считает закрытой. В современной разговорной речи некоторые оценочные слова совмещаются с выражением средней степени проявления признака, состояния (*Ничего свитерок. И стоил нормально*).

В качестве существенных признаков «усреднителей» в монографии выделяются следующие признаки:

а) «усреднители» (как и интенсификаторы) имеют определенные лексические значения и, будучи самостоятельными лексическими единицами, фиксируются и толкуются в словарях (*относительно, довольно, умеренно, сравнительно*);

б) «усреднители» определяют прилагательные, глаголы, наречия, предикативы (*относительно дешевый; довольно тепло; сравнительно недорого продал; отвечал (на экзамене) средне*);

в) «усреднители» (как и интенсификаторы) не сочетаются с компаративом (нельзя сочетать: *довольно умнее, средне красивее, умеренно добрее, хотя относительно спокойнее*);

г) «усреднители» в иронических контекстах функционируют аналогично «уменьшителям» и также ироничны только в сочетаниях (*довольно честен, умеренно добрый, относительно порядочный*);

д) «усреднители» сочетаются с существительными у отдельных слов из двух других групп (*совершенно немец и немного художник*) как исключение из общего правила.

По мнению автора, примыкает, очевидно, к этой группе слов наречие *почти*. Сочетаемость с существительными для этого наречия не исключение, а скорее типична (*почти готов к экзамену, почти уверен; почти старик, почти женаты; почти здоров, почти час*).

С компаративом наречие *почти* не сочетается. С прилагательными, называющим неградулируемый признак, сочетается только иронически (ср.: *Он почти порядочный, почти добрый и даже — почти честный.*).

«Уменьшители» именуется автором *антиинтенсификаторами*.

В качестве существенных признаков «уменьшителей» в монографии выделяются следующие признаки:

- а) «уменьшители» представлены небольшим количеством слов;
- б) «уменьшители» не пополняются;
- в) «уменьшители» не сочетаются с *не*, кроме немного (-жко);
- г) «уменьшители» не выражаются прилагательными;
- д) «уменьшители» не выражаются местоимениями, кроме несколько;
- е) «уменьшители» не совмещают значение умаления признака с другими семами;

ж) «уменьшители» имеют определенное, не зависящее от определяемых слов лексическое значение, которое фиксируется толковыми словарями (несколько, нареч. — ‘немного, отчасти’ (Шведова 2008));

з) «уменьшители» сочетаются в качестве зависимых слов с прилагательными, глаголами; некоторыми существительными, наречиями, предикативами (*чутьочку заносчив, чуть-чуть устал, чутьочку холодновато, немного художник, несколько ханжа*);

и) «уменьшители» (в отличие от интенсификаторов) сочетаются с компаративом (*А бог, оказывается, маленько нас поумнее*. Ю. Домбровский. Факультет ненужных слов);

к) «уменьшители» степени признака, в отличие от интенсификаторов, часто играют большую роль в выражении иронии, и опущение *чутьочку* и т. п. разрушает иронию, поскольку в умалении степени признака и заключается этот вид иронии.

«Уменьшители» обычно не сочетаются «с себе подобными»: **немного** (немножко, чутьочку, крошечку) *маленький, мелкий, низкий, крошечный* и т. п. Но возможность таких сочетаний допускается при условии, что размер определяется относительно какой-то ситуации (*Он чутьочку маленький для этого костюма; Она немножко мелкая, чтобы играть эту роль* и т. п.).

Оригинальный подход к трактовке гиперболы и сопутствующие лингвистические находки делают эту книгу актуальной. Данная монография представляет несомненный интерес для лингвистов, аспирантов и магистрантов, занимающихся проблемами современной лексической стилистики. Книга будет также полезна для студентов бакалавриата и специалитета.

Список литературы / References

- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. [Arutyunova, Nina D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* (Language and the Human World). М.: Yazyki russkoj kul'tury. (In Russian)].
- Вежбицкая А.* Сравнение — градация — метафора // Теория метафоры / Пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 133–152. [Vezhbickaya, Anna. (1990) *Sravnenie — gradaciya — metafora* (Comparison — gradation — metaphor). *Teoriya metafory* / Per. pod red. N. D. Arutyunovoj i M. A. Zhurinskoj (In Nina D. Arutyunova and Marina A. Zhurinskaya (transl. eds.) Theory of Metaphor. М.: Progress, 133–152. (In Russian)].
- Потебня А. А.* Теоретическая поэтика. М.: ВШ, 1990. [Potebnya, Aleksandr A. (1990) *Teoreticheskaya poetika* (Theoretical Poetics). Moscow М.: VSh. (In Russian)].
- Топоров В. Н.* Тропы // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: СЭ, 1990. С. 520–521 [Toporov, Vladimir N. (1990) Тропы. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* (Tropes. Linguistic Encyclopedic Dictionary). Moscow: SE, 520–521. (In Russian)].
- Шведова, Н. Ю.* Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2008. [Shvedova, Natalia Yu. (2008) *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov* (Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information about the Origin of Words). М.: Azbukovnik. (In Russian)].
- Wales, Katie. (2011) *A Dictionary of Stylistics*. London: PEARSON.